18+

Александр Николаевич
Незванов

О ЧЕМ МОЛЧАТ РОМАШКИ

Детективный роман

Александр Незванов

О чем молчат ромашки. Детективный роман

«Издательские решения»

Незванов А. Н.

О чем молчат ромашки. Детективный роман / А. Н. Незванов — «Издательские решения»,

Есть чувства, которые не нуждаются в громких признаниях, и тайны, о которых знают только полевые цветы. В жизни профессора, привыкшего всё объяснять с точки зрения разума и логики, появляется любовь — тихая, всепоглощающая и немая. Это история о внутренней борьбе, хрупкости человеческих судеб и о том, какую цену приходится платить за молчание, когда сердце кричит. Роман Александра Незванова заставит задуматься о главном: успеваем ли мы сказать самые важные слова тем, кто нам по-настоящему вслух.

© Незванов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пыль на подоконнике 6
Письмо без обратного адреса 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

О чем молчат ромашки
Детективный роман

Александр Николаевич Незванов

© Александр Николаевич Незванов, 2026

ISBN 978-5-0071-7672-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белые лепестки на сером асфальте

Июнь в этом году выдался странным: слишком жарким для утренних пробежек и слишком душным для ночных откровений. Город плавился под полуденным солнцем, превращая старый асфальт в мягкий, вязкий пластилин, в котором намертво вязли каблуки спешащих куда-то женщин и тяжелые подошвы случайных прохожих. Андрей остановился у самого края тротуара, глядя на крошечный, чудом выживший островок травы у основания ржавого фонарного столба. Там, вопреки всем законам городской логики и выхлопным газам, тянулись к свету три кривобокие, запыленные ромашки. Он присел на корточки, не обращая внимания на то, что полы его светлого льняного пиджака коснулись серой пыли. В левом нагрудном кармане приятно тяжелел плотный конверт из крафтовой бумаги — билет в одну сторону, который он купил ровно сорок минут назад. — Не трогай их, — раздался сверху тихий, чуть хрипловатый голос. Андрей поднял голову. Рядом стояла девушка в выгоревшем джинсовом сарафане. В руках она держала бумажный стаканчик с остывшим кофе и смотрела на цветы так, словно те были хрупкими музейными экспонатами. — Я и не собирался, — ответил Андрей, поднимаясь и отряхивая колени. — Просто удивился. Откуда они здесь? Вокруг на километр ни одного газона, только бетон и стекло. — Семена приносит ветер, — девушка слегка улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными. — А дальше все зависит от того, хватит ли у них упрямства пробить асфальт. Люди ведь точно такие же. Только мы почему-то привыкли думать, что если почва плохая, то и расти незачем. Она сделала шаг вперед, аккуратно обойдя островок травы, и уже собиралась уйти, когда Андрей вдруг окликнул ее: — Постойте. А вы знаете, о чем они молчат? Девушка обернулась. Солнце ударило ей прямо в лицо, заставив прищуриться, и на мгновение Андрею показалось, что он знает ее всю жизнь. — О том, что «любит — не любит» придумали те, кто боится спросить напрямую, — спокойно ответила она. — И о том, что у каждого лепестка есть своя цена, если обрывать их ради чужого ответа. Она кивнула ему на прощание и растворилась в пестрой толпе у входа в метро. Андрей еще несколько секунд смотрел ей вслед, а затем медленно достал из кармана билет. До отправления поезда оставалось два часа. Впервые за последние пять лет он всерьез задумался о том, а так ли ему нужно уезжать. Вечером того же дня Андрей сидел на кухне своей съемной квартиры, где все уже было упаковано в картонные коробки. На голом деревянном столе лежали две вещи: неиспользованный железнодорожный билет и маленький блокнот в потертой кожаной обложке, который он нашел утром под половицей, когда проверял, не забыл ли чего перед сдачей ключей. Блокнот принадлежал прежнему жильцу — человеку, о котором хозяйка квартиры говорила неохотно и вскользь. На первой странице, выведенной мелким, убористым почерком, значилась всего одна строчка: *«Если ты читаешь это, значит, ты тоже пытаешься сбежать. Не торопись. Сначала послушай, о чем молчат ромашки на углу Большой Садовой»*. Андрей перевернул страницу. На желтоватой бумаге был аккуратно вклеен засушенный цветок, а под ним — дата, отстоящая от сегодняшнего дня ровно на десять лет.

Пыль на подоконнике

Глава 2. Пыль на подоконникеУтро в старом доме пахло сушёным чабрецом и вчерашним дождём. Сквозь неплотно прикрытые ставни пробивался узкий луч солнца, разрезая полумрак комнаты на две неравные половины. В этой полосе света медленно кружились пылинки, похожие на крошечных мотыльков, застывших во времени. Алексей проснулся от странного ощущения, будто за ним кто-то наблюдает. Он приподнялся на локте и обвёл взглядом комнату. Всё было на своих местах: массивный дубовый комод с облупившимся лаком, стопка перевязанных бечёвкой журналов в углу и та самая гравюра в тонкой рамке, изображающая летний луг. На подоконнике, прямо под лучами утреннего солнца, стоял гранёный стакан. В нём, слегка наклонив головки, ютились три полевые ромашки — те самые, что он нашёл вчера вечером зажатыми между страницами старого дневника. Засушенные, почти хрупкие, в воде они словно ожили, расправив пожелтевшие лепестки. — Неужели ты и правда думаешь, что они расскажут больше, чем письма? — тихий голос раздался от двери. На пороге стояла Анна. В руках она держала дымящуюся кружку, а её тёмные волосы были небрежно собраны на затылке. Она смотрела на стакан с ромашками с лёгкой грустью, в которой читалось больше вопросов, чем ответов. — Письма можно сжечь или переписать, Аня, — ответил Алексей, опуская ноги на прохладный деревянный пол. — А цветы помнят только то, что видели. И, судя по тому, где я их нашёл, видели они немало. Он подошёл к окну и осторожно коснулся пальцем края стакана. Вчерашняя находка не давала ему покоя всю ночь. Дневник, принадлежавший его деду, обрывался на полуслове в июле семьдесят четвёртого года. Никаких имён, только дата, несколько неразборчивых строчек о «встрече у старой мельницы» и эти три цветка, аккуратно уложенные на странице, словно закладка в самой важной книге жизни. — Дед никогда не был сентиментальным человеком, — продолжил Алексей, глядя на белые лепестки. — Он хранил чертежи, старые квитанции, какие-то вырезки из газет. Но гербарий? Это на него совсем не похоже. Анна подошла ближе и поставила кружку на край комода. — Может, этот дневник принадлежал не ему? — тихо предположила она. — В этом доме жило слишком много людей до нас. И у каждого были свои тайны, которые проще спрятать в старых бумагах, чем носить в себе. Она взглянула в окно. За покосившимся забором начиналось поле — бескрайнее, заросшее дикими травами, где белые точки ромашек терялись в высокой зелёной траве, словно звёзды на утреннем небе. Ветер лениво перебирал стебли, заставляя их кланяться земле, но цветы упрямо молчали, храня чужую историю до тех пор, пока кто-то не решится дочитать её до конца. Алексей обернулся к столу, где лежал раскрытый дневник. На соседней странице, чуть ниже того места, где лежали цветы, он только сейчас заметил еле различимый оттиск — след от сильных чернил, проступивший с утраченного листа. Кто-то вырвал следующую страницу, но буквы успели отпечататься в зеркальном отражении. — Кажется, у нас есть зацепка, — произнёс он, беря со стола небольшое карманное зеркальце. — Посмотрим, о чём они так долго молчали.

Письмо без обратного адреса

Июль в Озёрном перевалил за экватор, и воздух над лугами стал густым, как свежий мёд. По утрам от реки тянуло прохладой, но уже к девяти солнце выпивало всю росу, оставляя на траве лишь белёсый налёт пыли. Андрей сидел на крыльце старого дома деда, крутя в пальцах засохший стебелёк ромашки. За прошедшую неделю он почти привык к здешней тишине, которая поначалу давила на уши сильнее городского гула. В ней постепенно проступили звуки: скрип калитки у соседки Марьи Ивановны, далёкий стук поезда за лесом и шелест страниц, когда Вера читала у открытого окна на втором этаже. Сегодня окно Веры было закрыто. Штора чуть колыхалась от сквозняка, но за стеклом никого не было видно. — Всё гадаешь? — раздался сбоку спокойный голос. Андрей поднял голову. У калитки стоял Николай Петрович, местный фельдшер, в неизменной выцветшей рубашке и с брезентовой сумкой через плечо. — Скорее, привыкаю к безделью, — усмехнулся Андрей, отбрасывая стебелёк в сторону. — Заходите, Николай Петрович. Чай как раз вскипел. — Некогда, брат. К мельнице иду, у Степановых младший ухо простудил. Но зашёл по делу. — Фельдшер порылся в кармане, достал сложенный вчетверо плотный конверт и протянул через забор. — На почте просили передать. Вчера вечером с районной машиной пришло. Конверт был старым, с пожелтевшими краями, без марок и штемпелей. В правом верхнем углу выцветшими фиолетовыми чернилами было выведено лишь одно слово: *«Деду»*. — Откуда это? — нахмурился Андрей, принимая бумагу. — Деда ведь три года как нет. — Почтальонша наша, Нинка, разбирала старые ящики за шкафом, когда ремонт в отделении затеяли, — пожал плечами Николай Петрович. — Видать, завалилось ещё лет двадцать назад. Она хотела выбросить, да я увидел фамилию. Решил, тебе нужнее будет. Фельдшер кивнул на прощание и зашагал вниз по улице, поднимая лёгкие облачка пыли. Андрей вернулся на крыльцо. Бумага пахла сухим клеем и старым деревом. Он осторожно поддел клапан конверта ножом для чистки картошки. Внутри лежал один-единственный тетрадный лист в косую линейку и засушенный цветок ромашки, рассыпавшийся в мелкую жёлтую труху при первом же прикосновении. Почерк был ровным, женским, с характерным наклоном влево:

«Миша, если ты читаешь это, значит, я всё-таки не решилась сказать вслух. Завтра утренним поездом я уезжаю в Ленинград. Отец договорился насчёт института, и спорить с ним больше нет сил. Не ищи меня на станции — так будет легче нам обоим. Помнишь наше поле за старой мельницей? Пусть всё останется там. Прости».

Ни даты, ни подписи. Только короткая приписка в самом низу, сделанная другим, более торопливым почерком: *«Если передумаешь — буду ждать у белых камней до заката»*. Андрей перечитал записку дважды. Дед Михаил всегда казался ему человеком цельным, почти каменным — из тех, кто всю жизнь прожил на одном месте, любил только покойную бабушку и никогда не оглядывался назад. Мысль о том, что у него была какая-то другая, неслучившаяся жизнь, не укладывалась в голове. Скрипнула входная дверь. На крыльцо вышла Вера. На ней было лёгкое ситцевое платье, а волосы она собрала в небрежный пучок, закрепив простым карандашом. — Ты чего такой задумчивый? — спросила она, присаживаясь рядом на ступеньку. — Опять из издательства звонили? — Нет. Нашёл кое-что из прошлого. — Андрей протянул ей листок. Вера пробежала глазами по строчкам. Её лицо медленно изменилось: лёгкая утренняя улыбка исчезла, сменившись тихим, сосредоточенным вниманием. — Белые камни, — негромко повторила она, возвращая письмо. — Я знаю это место. Это за излучиной реки, где старый известняковый карьер. Туда сейчас почти никто не ходит, дорога заросла. — Думаешь, дед так и не получил это письмо? — Если оно пролежало за почтовым шкафом двадцать с лишним лет, то точно не получил, — Вера посмотрела на жёлтую пыльцу на его ладони. — Получается, она ждала его там до заката. А он даже не знал. Над лугом пролетел коршун, сделав

широкий круг и скрывшись за верхушками сосен. Андрей сложил листок и убрал его обратно в конверт. Внезапно ему показалось, что тишина в Озёрном вовсе не пустая — она просто хранит слишком много чужих недосказанных слов. — Покажешь дорогу к карьеру? — спросил он, поднимаясь. — До заката ещё далеко, но хочется посмотреть на это место. Вера посмотрела на него снизу вверх, прищурившись от яркого солнца, и кивнула: — Пойдём. Только возьми воду, через поле идти жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.